

18+

САМИРА ШИРИНБЕКОВА

Там, где кричит тишина...

Самира Ширинбекова

Там, где кричит тишина...

«Издательские решения»

Ширинбекова С. А.

Там, где кричит тишина... / С. А. Ширинбекова —
«Издательские решения»,

В мире, где тени прошлого преследуют на каждом шагу, а секреты способны разрушить даже самые крепкие связи, одна девушка решает бросить вызов судьбе. Каждый шаг по пути к свободе становится испытанием, где на кону стоит жизнь самых близких. Когда мрак начинает затмевать свет, она сталкивается с выбором: следовать зову сердца или поддаться страху. Каждая страница этой истории-это захватывающее путешествие в мир эмоций, предательства и неожиданной любви

© Ширинбекова С. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Конец сигнала	6
Глава 2. Рыжая и её правила	10
Глава 3. Огни на воде	14
Глава 4. Гадание на ромашке	16
Глава 5. День рождения, которого не ожидали	19
Глава 6. Мост в полночь (Марфа)	23
Глава 7. Ветхий домик у дороги	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Там, где кричит тишина...

Самира Азизхоновна Ширинбекова

© Самира Азизхоновна Ширинбекова, 2026

ISBN 978-5-0071-4480-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Порой судьба играет с нами в злую шутку, уводя в дебри, и тогда необходимо прорубать мачете путь сквозь тернии, словно Индиана Джонс в поисках истины.

Как думаешь, изменил бы ты ход своей жизни, как по щелчку пальцев?

Глава 1. Конец сигнала

Асфальт закончился, превратившись в гравийную пытку для подвески. Машину било мелкой дрожью на колдобинах так, что у Аниты ныли зубы и сводило челюсть от бессильной злости. Семнадцать лет она управляла своей вселенной одним свайпом по экрану, но сейчас смартфон превратился в бесполезный кусок гладкого пластика.

«Долго ещё?» — процедила она, не отрывая взгляда от мёртвого значка загрузки в социальной сети.

Отец, Олег, лишь крепче сжал руль до побелевших костяшек, сохраняя то каменное выражение лица, за которым он всегда прятал раздражение или усталость. Навигатор сдался десять минут назад, высветив глухое «Сигнал потерян». Мать, Елена, обернулась. На её лице не было умиротворения — там была тщательно выстроенная стена спокойствия, призванная скрыть нарастающую тревогу. Она попыталась коснуться волос дочери, но Анита дёрнула плечом, сбрасывая руку. — Почти приехали. Это Цирюево, а не край географии, — сказала мама. Для Елены это был дом предков. Для Аниты — концлагерь без права на условно-досрочное освобождение. Ссылка к бабушке Марфе. Женщине, о которой родители говорили с придыханием, называя её «хранительницей», «знающей». В переводе на язык семнадцатилетней девицы это означало: выжившая из ума старуха, которая будет пичкать травяными отварами и заставлять полоть картошку под палящим солнцем.

Цивилизация отступала, обнажая свою фальшивую суть. Стекланные башни сменились гниющими деревенскими фасадами, рекламные щиты — покосившимися заборами. Последняя вышка связи осталась где-то в мираже за спиной, и вместе с ней исчезла надежда на спасительное сообщение. — Здесь вообще есть сеть? — вопрос прозвучал как обвинение миру. Анита остервенелась теребила телефон. Перезагрузка. Потряхивание. Прикладывание аппарата к стеклу. Бесполезно. Чёрточки антенны не появлялись. Только перечёркнутый круг — символ абсолютной изоляции. Оборванная пуповина цифрового кислорода. Ей стало физически дурно, словно из лёгких выкачали воздух. Дело было не в одиночестве. Дело было в потере контроля. — Деревня глухая, — ровно ответила мать, глядя прямо перед собой. — Телефон тут только чтобы время посмотреть. Для них это норма. Для неё — клиническая смерть личности.

Они въехали в Цирюево. Улица встретила их пустотой. Дома стояли плотно, слепо таращась мутными окнами. Резные наличники казались оскалом черепов. Ни людей, ни машин. Только старый лохматый пёс проводил их тяжёлым взглядом исподлобья. Тишина давила на барабанные перепонки плотнее любого городского шума. Это была тишина склепа.

Ворота со скрипом открылись. Во дворе стояла Марфа. Никакой сгорбленной спины, никакой клюки. Высокая, прямая, как натянутая струна. Седые волосы заплетены в тугую косу, короной уложенную вокруг головы. Лицо напоминало выдубленную временем кожу, но глаза... Тёмные, неподвижные, они смотрели не на вошедшего, а сквозь него, видя структуру костей и содержимое мыслей. — Наконец-то. Я уж думала, заблудитесь, — голос Марфы был низким, вибрирующим, лишённым возрастных дребезжащих ноток. Он обволакивал. Она обняла дочь и зятя механически, по привычке. Когда очередь дошла до Аниты, объятие оказалось неожиданно сильным, почти болезненным. От бабушки пахло сушёным чабрецом, старым деревом и чем-то металлическим, похожим на озон после грозы. По позвоночнику девушки пробежал разряд тока.

Внутри дом дышал вековой пылью. Никаких обоев, никакого ламината. Голое дерево, пропитанное запахами трав, воска и чего-то кисловатого, древнего. На стенах — галерея чёрно-белых фотографий. Предки смотрели сурово, не мигая. Анита задержала взгляд на снимке молодой женщины с такой же тяжёлой косой. Та смотрела прямо в объектив с пугающей, оце-

нивающей проницательностью судьи. Оставшись одна в гостевой комнате, Анита подошла к окну. Двор тонул в зарослях крапивы и малины. И снова этот диссонанс.

На стене сарая висело массивное зеркало в потемневшей раме. Зачем оно здесь, среди ржавых граблей и гнилых досок? На ветку яблони тяжело спланировала ворона. Крупная, иссиня-чёрная, идеальный геометрический силуэт на фоне зелени. Птица повернула голову, уставившись бусиной глаза прямо на девушку, и хрипло каркнула. Анита проследила за её взглядом. Ворона смотрела в зеркало. Отражения не было. Стекло честно отражало облупившуюся краску сарая, ветки сирени, клочок неба. Но птицы в нём не существовало.

Анита моргнула. Протёрла глаза ладонями. Эффект остался. Реальная птица сидела на реальной ветке. Зеркало показывало пустоту. Холод пополз от поясницы к затылку. Городской мозг лихорадочно искал рациональное объяснение: угол падения света, амальгама стёрлась, оптическая иллюзия. Но логика трещала по швам. Это была первая аномалия. Древняя, враждебная физика этого места просачивалась сквозь щели разошедшихся рам. Тишина больше не была пустой. Теперь в ней кто-то методично отсчитывал секунды до начала конца.

Анита отступила от окна, будто боялась, что зеркало сейчас протянет из своей мутной глубины руку и схватит её за запястье. Пальцы дрожали, и она сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони — так, чтобы боль вернула её в привычную реальность, где законы физики не ломаются без предупреждения. Но реальность здесь была другой. Она чувствовала это кожей, как нарастающее статическое напряжение перед грозой, когда воздух становится густым и колючим, а каждый вдох отдаётся в груди металлическим привкусом. — Ты чего там застыла? — голос матери прозвучал непривычно громко в этой вязкой тишине, и Анита вздрогнула. Елена стояла в дверном проёме, держа в руках стопку льняных полотенец, но смотрела не на них, а на дочь, и в её взгляде мелькнуло то, чего Анита боялась больше всего, — не жалость, а узнавание. Будто мать видела, как мир вокруг дочери начинает трескаться по швам, и знала, что склеить его обратно не получится. — Ничего, — буркнула Анита, отворачиваясь к стене, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Просто... тут всё какое-то чужое. Елена шагнула ближе, но не стала обнимать, только положила полотенца на кровать и тихо сказала: — Это место не чужое. Оно просто помнит больше, чем мы хотим знать. Анита хотела возразить, сказать, что помнить — это про фотографии в телефоне, про чаты и сторис, про то, что можно открыть и перечитать в любой момент. А здесь память была живой, тяжёлой, она висела в воздухе, как пыль, и оседала на коже липким слоем. Внизу хлопнула дверь, и донёсся низкий голос Марфы — она разговаривала с отцом, и интонации её были такими, будто они обсуждали не бытовые мелочи, а что-то важное, почти ритуальное. Слова долетали обрывками: «...не трогай колодец...», «...пусть посидит, привыкнет...», «...не торопи». Анита нахмурилась. Привыкнет к чему? К тишине, которая давит на виски? К зеркалу, которое стирает реальность?

Она снова подошла к окну, но на этот раз старалась не смотреть на зеркало. Ворона исчезла. Только ветка слегка покачивалась, будто птица сорвалась с неё в стремительном полёте, оставив после себя лишь лёгкое колебание воздуха. Анита прищурилась, вглядываясь в переплетение ветвей, но ничего не увидела. Ни тени, ни движения. Только зелень, старая древесина сарая и мутное стекло, которое теперь казалось просто старым, ничем не примечательным предметом. Может, ей и правда всё привиделось? Усталость, стресс, отсутствие сигнала — всё это могло сыграть злую шутку с восприятием. Но стоило ей подумать, что объяснение найдено, как зеркало снова привлекло взгляд. На этот раз в нём мелькнуло что-то другое. Не отсутствие птицы, а... едва уловимое движение. Как будто по поверхности стекла пробежала рябь, словно по воде, хотя оно оставалось твёрдым и неподвижным. Анита замерла, не решаясь моргнуть, боясь потерять этот миг. И вдруг в глубине потемневшей рамы проступила тонкая линия — будто трещина, но не в стекле, а в самом отражении. Линия росла, изгибаясь, словно чертила невидимый узор, и на секунду Анита увидела за ней не двор, а тёмный коридор с высокими сводами, уходящий в бесконечность. Она отшатнулась, ударившись бедром о

подоконник, и тихий вскрик сорвался с губ прежде, чем она успела его сдержать. — Анита! — мама уже была рядом, крепко держала её за плечи, заглядывала в глаза, будто пыталась прочесть в них причину испуга. — Что случилось? Тебе плохо?

Анита открыла рот, чтобы рассказать про зеркало, про коридор, про птицу, которой не было в отражении, но слова застряли в горле. Как объяснить то, что звучит как бред? Как признаться, что ты видишь вещи, которых не должно быть? Вместо этого она покачала головой и выдавила: — Просто... показалось. Наверное, устала. Мать вздохнула, но в её вздохе не было облегчения — скорее, тень понимания, смешанного с тревогой. Она провела ладонью по волосам дочери, на этот раз Анита не отстранилась, только уткнулась лбом в её плечо, вдыхая знакомый запах духов, который здесь казался чужеродным, почти неуместным среди запахов трав и старого дерева. — Побудь здесь немного, ладно? — тихо сказала Елена. — Я помогу отцу разгрузить вещи, а потом мы вместе попьем чаю. Бабушка испекла пироги — ты же любишь с вишней. Анита кивнула, не поднимая головы. Чай, пироги, обычные слова, за которыми пряталась попытка вернуть всё на свои места. Но когда мать вышла, закрыв за собой дверь, тишина снова сомкнулась вокруг неё, плотная и непроницаемая, как бархатный занавес.

И тогда Анита поняла: дело было не в отсутствии сети. Дело было в том, что здесь, в Цирюево, существовала другая сеть — не из вышек и спутников, а из взглядов, отражений, старых историй и несказанных слов. И эта сеть начинала опутывать её, затягивая в свой узор. Она подошла к кровати, села на край, чувствуя, как пружины скрипят под весом, и уставилась на фотографию на стене — ту самую, с женщиной с тяжёлой косой. Теперь ей казалось, что взгляд женщины стал ещё более пристальным, почти требовательным. Словно она ждала от Аниты какого-то действия, какого-то шага, который девушка пока не готова была сделать.

Снизу донеслись голоса, шаги, скрип половиц. Дом жил своей жизнью, старой и неторопливой, и каждый звук был частью какого-то большого, непонятного механизма. Анита закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на ритме, который всегда помогал ей успокоиться в моменты паники. Но вместо привычного счёта до десяти она вдруг услышала другой ритм — не свой, а чужой. Тихий, едва уловимый, он шёл откуда-то из глубины дома, из стен, из половиц, из самого воздуха. Это был не стук часов и не биение чьего-то сердца. Это было что-то древнее, размеренное, будто дом сам отсчитывал время, отведённое на привыкание.

Когда дверь снова открылась, на пороге стояла Марфа. Она не вошла, а будто вплыла в комнату, не нарушив тишины, а став её частью. Её тёмные глаза встретились с глазами Аниты, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни осуждения — только спокойное знание, от которого становилось одновременно и страшно, и странно спокойно. — Знаешь, что самое опасное в страхе? — спросила Марфа, не двигаясь с места. — То, что он заставляет нас закрывать глаза. А когда мы не видим, мы начинаем придумывать. И придуманное всегда страшнее правды. Анита сглотнула, чувствуя, как слова бабушки проникают глубже, чем хотелось бы. — Я ничего не придумываю, — прошептала она, сама не веря в свои слова. Марфа чуть наклонила голову, словно прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. — Конечно, — спокойно согласилась она. — Ты просто смотришь. А смотреть здесь нужно уметь. Не глазами, а тем, что внутри. Она сделала шаг вперёд и протянула Аните небольшую вещь — старинный медный брелок в форме листа, покрытый патиной. — Держи. Он старый, тяжёлый, настоящий. Когда станет казаться, что земля уходит из-под ног, сжимай его в руке. Металл помнит тепло. Он поможет тебе держаться. Анита взяла брелок, чувствуя его вес, шероховатость узоров, холод, который быстро сменялся теплом от её ладони. Это было единственное, что казалось сейчас реальным и понятным. — Спасибо, — тихо сказала она, не зная, благодарит ли она за вещь или за попытку вернуть ей почву под ногами. Марфа кивнула, будто поняла всё без слов, и повернулась к выходу. Но у двери она остановилась и, не оборачиваясь, добавила: — И не бойся зеркала. Оно не врёт. Оно просто показывает то, что ты готова увидеть. А готова ты будешь не сразу. Дверь тихо закрылась, оставив Аниту наедине с фотографией, с тяжёлым брелоком в

руке и с ощущением, что тишина в комнате стала ещё глубже, наполнившись теперь не только отсутствием звуков, но и множеством невысказанных вопросов.

Анита посмотрела на окно. Во дворе по-прежнему царили заросли крапивы и малины, сарай стоял на своём месте, зеркало в потемневшей раме казалось обычным, чуть мутным стеклом. Но теперь она знала: за этой обыденностью пряталось что-то ещё. Что-то, что ждало своего часа, чтобы показать себя во всей своей странной, пугающей красоте. И самое страшное было в том, что часть её — та, что привыкла к свайпам и сигналам, — хотела убежать отсюда как можно скорее. А другая часть, тихая и осторожная, хотела остаться и узнать, что скрывается за рябью на стекле, за взглядом предков на фотографиях, за словами бабушки, которые звучали как предупреждение и как приглашение одновременно.

Тишина больше не отсчитывала секунды до конца. Теперь она отсчитывала мгновения до начала чего-то нового. И Анита, сжимая в ладони медный брелок, чувствовала, как этот отсчёт становится её собственным ритмом.

Глава 2. Рыжая и её правила

Утро началось не с будильника, а с оглушительного крика петуха, который звучал как сигнал тревоги. Сквозь кружевную тряпку на окне бил жёсткий солнечный свет. Смартфон всё так же демонстрировал мёртвый чёрный экран. Символ изгнания. Спустившись вниз, Анита застала сцену семейного благополучия. Парное молоко, румяные пироги, идиотская улыбка отца. Атмосфера настолько искусственная, что вызывала тошноту. — Доброе утро! Как спалось на новом месте? — бодрость Олега граничила с истерикой. — Нормально, — отрезала Анита, садясь за стол. Притворяться благодарной заложницей она не собиралась. Марфа подняла на неё свои тёмные колодцы глаз. Смотрела долго, не моргая, препарируя взглядом. — Воздух тебе чужой пока. Дышишь мелко, поверхностно. Отсюда и бессонница. Тебе кошмары снились, я знаю. Аниту прошиб холодный пот. Сон был рваным, липким: скользкие тени, шёпот на незнакомом языке, ощущение чужого присутствия вплотную к кровати. Бабушка видела её рентгеном. Городская броня дала течь. — Мам, перестань пугать ребёнка, — нервно вмешалась Елена, звякнув ложкой. — Привыкнет, — усмехнулась Марфа, подвигая тарелку. — Ешь. Железо энергию тянет, травы дают. Тебе силы нужны будут.

После завтрака отец ушёл осматривать сарай, мать принялась перебирать старые банки в погребе. Анита оказалась предоставлена сама себе. Без телефона скука быстро переросла в клаустрофобию. Чтобы не смотреть на проклятое зеркало, она вышла за калитку. У забора материализовалась девушка. Огненно-рыжая, веснушчатая, с походкой хищного зверя — плавной, пружинистой. Глаза цвета болотной тины, насмешливые и опасные. — Привет. Ты новенькая? Марина, — она протянула руку. Ладонь была жёсткой, мозолистой. — Анита. — Скучно небось? — Марина достала дешёвую электронную сигарету. — Тут либо пьёшь, либо работаешь, либо сходишь с ума. Выбирай. — Я выберу уехать. Родители скоро уедут, меня тут оставляют, — огрызнулась Анита. — Не получится, — ухмыльнулась рыжая. — Дорога обратно открывается только тем, кому разрешат. Пойдём, покажу окрестности. А то скиснешь раньше времени.

Марина знала лес как свои пять пальцев. Они шли мимо заброшенной церкви, провалившегося кладбища, мимо домов, откуда веяло сыростью и запустением. Говорила Марина мало, рублеными фразами. — Там начинается бор, — кивнула она на стену деревьев впереди. — Одной туда лучше не лезть. — Боишься медведей? — Медведь просто убьёт. Есть вещи хуже смерти. Например, если тебя зовут из чащи женским голосом, плачут, помощи просят — молчи. Даже если сердце кровью обливается. Особенно если позвали один раз. Живой человек трижды крикнет, прежде чем поймёт, что ты не отвечаешь. Нечисть — нет. Анита хотела рассмеяться ей в лицо, списав всё на местный фольклор, но слова застряли в горле. Инстинкт самосохранения, древний, животный, сжался в комок. Она вдруг поняла, что Марина абсолютно серьёзна. Это не игра в страшилки у костра. Это инструкция по технике безопасности. — Почему три раза? — Проверка системы. Если два — значит, между небом и землёй завис. Душа неприкаянная. Или бес балуется. На третий зов отвечать можно, но только если уверен, что знаешь имя того, кто зовёт. Иначе заберут. Подменят.

К обеду вернулись. За столом сидел сосед — огромный дед с руками-лопатами и женщина, чьи глаза были белёсыми, как у варёной рыбы. Все молчали, стуча ложками. Напряжение висело густым смогом. Марфа промокнула губы салфеткой и произнесла, ни к кому конкретно не обращаясь: — Купала скоро. Вода тревожная. Чует перемены. Олег кашлянул, пытаясь разрядить обстановку. — Старики говорят, граница истончается, — продолжила Марфа, буравя взглядом внучку. — Тонкие места открываются. Кто метку несёт, тот первым видит. — Какую метку? — не выдержала Анита. Горло пересохло. Бабушка перевела на неё тяжёлый, свинцовый взгляд. — Ту, что кровь помнит. Юноша опять приходил. Стоял на том берегу. Ждал.

Отец резко встал. — Всё. Хватит этих сказок. Мы в двадцать первом веке живём. — Века меняются, страх остаётся, — спокойно парировала Марфа. — Он ищет проход. Ему нужен ключ. А ключи иногда сами приходят в руки тем, кто не умеет ими пользоваться. Вечером небо затянуло тяжёлыми тучами. Воздух стал густым, наэлектризованным, предвещающим грозу. Марина ждала у калитки. — На реку пойдёшь? Венки пускать — глупость, конечно, но зрелище жуткое. Они шли вдоль Сыри. Вода казалась чёрной нефтью, густой и вязкой. Луна пыталась пробиться сквозь облачность, бросая на воду ртутные блики. — Мне бабушка говорила, огонь очищает, — сказала Марина, прикуривая. — А вода правду показывает. То, что днём прячешь, завтра ночью увидишь, если смотреть умеешь. Анита молчала, кутаясь в ветровку. Летний холод пробирал до костей. Она понимала: точка невозврата пройдена. Цирюево больше не было местом наказания. Оно стало диагнозом. Местом, где заканчиваются законы физики и начинается протокол выживания в условиях вторжения иррационального.

Анита шла за Мариной, чувствуя, как каждый шаг по сырой тропинке утягивает её всё дальше от привычной жизни. Сырь, тяжёлый запах прелой листвы и болотной тины смешивались с едким дымом от электронной сигареты Марины — и этот странный коктейль запахов будто запечатывал её здесь, в Цирюево, отрезая пути к отступлению. Река Сырь текла медленно, почти лениво, но в этой неторопливости было что-то зловещее — будто вода не просто двигалась, а накапливала силу, чтобы однажды сорваться с места и смыть всё на своём пути. Ртутные блики на поверхности дрожали, как живые, и Аните казалось, что под этой рябью прячется нечто, готовое в любой момент вырваться наружу. — Смотри, — Марина остановилась у самой кромки воды, ткнула пальцем в тёмную гладь. — Видишь, как она дышит? Не как в городе, где река — это просто линия на карте. Тут она помнит. Каждый камень, каждое дерево, каждую слезу, что в неё упала. Анита хотела сказать, что это просто течение, игра света, физика, но слова застряли в горле. Потому что вода действительно казалась живой. Она не просто текла — она наблюдала. И в этом наблюдении было что-то древнее, равнодушное и бесконечно холодное. Марина присела на корточки, достала из кармана моток бечёвки и пучок сухих трав. — Венки — это для туристов и городских романтиков. А мы сделаем по-другому. Это не праздник, это проверка. Она быстро сплела из трав и бечёвки что-то вроде маленького кольца, бросила его на воду. В тот же миг рябь вокруг венка стала гуще, плотнее, будто вода пыталась его оттолкнуть. Но он не утонул — наоборот, начал медленно кружиться, как будто его тянуло по невидимой спирали. — Видишь? — прошептала Марина, не сводя глаз с венка. — Он не плывёт, его ведут. Значит, место не спит. Значит, граница и правда истончается. Анита почувствовала, как по спине пробежал холодок, не от ветра, а от чего-то внутри, от того, как реальность здесь начинала расплываться по швам. — Что это значит? — голос прозвучал хрипло, будто она долго кричала и сорвала горло. Марина подняла на неё глаза, в них не было насмешки, только усталость и какая-то обречённая решимость. — Это значит, что скоро начнётся. Купальская ночь — она не про венки и хороводы. Она про то, что мир на одну ночь становится тоньше, и сквозь эту тонкую завесу проглядывает то, что обычно скрыто. Голоса, тени, чужие глаза в твоём отражении. И если у тебя есть метка... — она запнулась, будто сама испугалась своих слов, — если кровь помнит, ты увидишь больше других. Может, даже то, что лучше не видеть. Анита вспомнила слова Марфы за столом, вспомнила тот ледяной взгляд, которым бабушка будто просвечивала её насквозь: «Ту, что кровь помнит». Что это значило? Какая метка? В её роду не было никаких тайн, никаких легенд — только обычные люди, офисные работники, учителя, продавцы. Но почему тогда ей снились эти сны? Почему зеркало в сарае стирало ворону из отражения? Почему тишина здесь звучала громче любого городского шума? — Ты думаешь, я что-то вижу? — спросила она тихо, почти шёпотом, будто боялась, что кто-то подслушает. Марина пожала плечами, но в этом жесте не было безразличия — скорее, попытка спрятать тревогу. — Не знаю. Но если ты чувствуешь, что воздух здесь другой, значит, ты не совсем чужая. А это уже опасно. Чужих место просто отталкивает. Своих — проверяет.

Они стояли у воды, пока небо окончательно не потемнело, а воздух не стал густым и тяжёлым, как перед грозой. Где-то вдалеке прокатился первый раскат грома, и река будто вздрогнула, отразив вспышку молнии.

Когда они вернулись к дому, во дворе уже никого не было. Только свет из окон ложился на траву жёлтыми прямоугольниками, делая тени ещё глубже и чернее. Анита остановилась у калитки, вглядываясь в темноту, которая теперь казалась не просто отсутствием света, а чем-то живым, плотным, почти осязаемым.

В доме было тихо. Слишком тихо. Даже скрип половиц, который раньше казался таким громким, теперь растворился в этой густой тишине. Анита поднялась по лестнице, чувствуя, как каждая ступенька отзывается в груди глухим эхом. В комнате было душно, пахло старыми книгами и воском. Она подошла к окну, к тому самому, из которого видела зеркало на сарае. Оно по-прежнему висело там, тёмное, мутное, будто покрытое слоем пыли веков. Но на этот раз в нём не было ни ряби, ни странных узоров. Просто старое стекло, отражающее ночь. Анита выдохнула, чувствуя, как напряжение немного отпускает. Может, всё это было просто игрой света и её собственных страхов? Может, завтра утром она проснётся и окажется, что никакой границы нет, никакой метки, никаких зовов из чащи?

Но в тот момент, когда она уже готова была отвернуться, в зеркале мелькнуло движение. Не рябь, не узор — а тень. Чёткая, человеческая, она скользнула по отражению и исчезла, будто её и не было. Анита замерла, сердце забилося где-то в горле, перекрывая дыхание. Она шагнула ближе, прижалась лбом к холодному стеклу, вглядываясь в темноту двора, пытаясь найти хоть что-то, что объяснило бы этот миг. Но двор был пуст. Только зеркало смотрело на неё своей мутной бездной, храня молчание, которое было страшнее любых слов. Она отступила, нащупала в кармане медный брелок, который дала ей Марфа. Сжала его в ладони, чувствуя, как холод металла постепенно сменяется теплом её кожи. «Когда станет казаться, что земля уходит из-под ног, сжимай его в руке. Металл помнит тепло. Он поможет тебе держаться».

Анита села на кровать, не раздеваясь, не выключая тусклый свет лампы. Она смотрела на дверь, на окно, на фотографию женщины с тяжёлой косой, которая по-прежнему смотрела на неё с тем же требовательным, почти судейским выражением. И вдруг поняла: она больше не хочет бежать. Не потому, что не может, а потому, что страх начал смешиваться с чем-то другим — с любопытством, с ощущением, что за этой завесой скрывается что-то важное, что-то, что она должна увидеть.

Где-то внизу скрипнула половица. Потом ещё одна. Шаги были медленными, осторожными, будто кто-то не хотел, чтобы его услышали. Анита задержала дыхание, прислушиваясь. Шаги приблизились к лестнице, поднялись на этаж, замерли у двери её комнаты. Ручка тихо повернулась, дверь приоткрылась, и на пороге появилась Марфа. Она не вошла, только стояла в проёме, высокая, прямая, словно вырезанная из тьмы. Её глаза в полумраке казались чёрными провалами, в которых отражалась вся древность этого дома. — Не спится? — голос Марфы был тихим, но в нём звучала не забота, а что-то большее — понимание, знание, будто она видела всё, что произошло у реки, всё, что мелькнуло в зеркале. Анита покачала головой, не решаясь заговорить. — Хорошо, — сказала Марфа, будто это был не вопрос, а констатация факта. — Страх — это тоже голос. Он говорит, когда другие молчат. Ты его слышишь. Это и есть твоя метка. Не шрам, не родимое пятно, а способность слышать то, что другие считают тишиной. Она сделала шаг вперёд, протянула руку и коснулась лба Аниты лёгким, почти неведомым движением, будто снимала невидимую паутину. — Завтра будет тяжело. Купальская ночь не прощает слабости. Но ты не одна. Помни об этом. И прежде чем Анита успела что-то сказать, Марфа развернулась и ушла, оставив после себя только запах чабреца и ощущение, что мир снова сдвинулся, открывая перед ней новую, пугающую и манящую грань реальности.

Анита легла, не гася свет, сжимая в руке медный брелок. За окном прокатился ещё один раскат грома, и дождь наконец сорвался с неба, барабанил по крыше, по стёклам, по земле, будто

пытался смыть с этого места всю его древнюю тяжесть. Но Анита знала: дождь не смоем того, что уже проникло под кожу, того, что стало частью её.

Тишина больше не была пустой. Она была наполнена ожиданием — тяжёлым, густым, как воздух перед грозой. И Анита чувствовала, что завтра эта тишина заговорит. И ей придётся ответить.

Глава 3. Огни на воде

Ночь Купалы принесла с собой долгожданную прохладу, но воздух не стал лёгким — он загустел, пропитавшись запахами остывающей земли, речной тины и горького дыма от сырых поленьев. Деревня преобразилась: исчезла дневная сонливость, уступив место лихорадочному, почти первобытному возбуждению. Это был не мрачный ритуал из учебника истории, а пульсирующий нерв жизни, где старики делились мёдом с детьми, а девушки вплетали в волосы живые цветы так самозабвенно, словно это были нити их собственной судьбы.

Марина ждала у калитки. Простое льняное платье делало её похожей на паломницу, сбегавшую со средневековой фрески, а огненные волосы украшал венок из ромашек и полыни. Она выглядела диким лесным духом — весёлым, опасным и абсолютно свободным от гравитации обыденности. — Ну что, идёшь? Или городская кожа боится испачкаться о нашу пыль? — она задорно толкнула Аниту плечом. — Сегодня можно всё. Река сегодня добрая, если вести себя вежливо. Анита лишь кивнула, пытаясь скрыть нервную дрожь пальцев. Страх никуда не делся; он свернулся холодным комком внизу живота, вибрируя на частоте костей. Но общая атмосфера заразительного веселья постепенно брала верх, размывая границы её привычного цинизма. Ей отчаянно хотелось поверить, что это просто красивый деревенский фестиваль, лишённый двойного дна.

Берег Сыри превратился в сцену древнего театра под открытым небом. Огромный костёр ревел, выбрасывая в чёрное бархатное небо снопы золотых искр, которые гасли, не долетая до звёзд. Вокруг огня водили хороводы — неспешные, тягучие движения, больше похожие на трансовую медитацию, чем на танцы. Смех здесь звучал приглушённо, песни казались древними заклинаниями, а запах жареного мяса смешивался с ароматом диких трав. Впервые за всё лето Анита почувствовала себя не пленницей ссылки, а гостьей на чужом, но невероятно гостеприимном празднике плоти и духа.

Она стояла чуть в стороне, заворожённо глядя на гипнотический танец пламени, когда Марина сунула ей в руки сплетённый из папоротника и клевера круг. — Держи свою судьбу. Загадай самое сокровенное. Только смотри, чтобы венок не утонул сразу — плохая примета, значит, суженый кривой или пьющий.

Анита усмехнулась уголком губ, принимая правила игры. Она зажгла тонкую восковую свечу, закреплённую в центре сухими стеблями, и осторожно опустила конструкцию на воду. Венок закачался на лёгкой волне, поплыл прочь от берега, увлекаемый невидимым течением к тёмной середине реки. Свеча горела ровно, маленьким жёлтым солнцем посреди маслянистого мрака воды. И вдруг, среди общего шума, сквозь плеск волн, треск поленьев и переливы гармонии, пространство внутри неё разорвалось. Шёпот. Он родился прямо в височной кости, тёплый, как дыхание стоящего вплотную человека: «Анита...» Это не был зов из леса или обман слуха. Голос звучал изнутри самой музыки ночи, резонансом отдаваясь в зубах.

Девушка резко обернулась, инстинктивно прижимая руку к груди. Рядом никого. Только Марина, смеясь, прыгала через низкую верёвку вместе с другими девчонками, высоко подбрасывая колени. Никто не смотрел на неё. Но ощущение пристального взгляда между лопаток стало физически болезненным, словно кто-то провёл по спине куском сухого льда.

Когда костёр начал уставать, превратившись в груды мерцающих рубиновых углей, толпа медленно потянулась к домам, растворяясь в тумане. Анита осталась у воды одна. Ночной воздух приятно охлаждал разгорячённую кожу, выветривая пьянящий дурман праздника. Она подошла к старой плакучей иве, ветви которой полоскались в чёрной воде, словно волосы утопленницы, прощающейся с берегом.

Сначала это была одна точка света. Затем ещё одна. На противоположном берегу, там, где начинался непроглядный бурелом старого бора, вспыхнули синие огни. Они не были похожи

ни на болотный газ, ни на фары браконьеров, ни на современные лазерные шоу. Это был холодный, неземной свет цвета индиго, густой, как расплавленный сапфир. Пульсирующий. Синхронный. Десятки точек выстроились в идеальную дугу вдоль кромки леса, то поднимаясь над кронами вековых сосен, то опускаясь к самой земле, сканируя берег методично, метр за метром. Анита замерла, забыв выдохнуть. Рациональный ум пытался судорожно найти объяснение: фосфоресцирующие грибы, линзы фотоаппаратов, массовая галлюцинация от испарений. Но зрелище было слишком упорядоченным, слишком разумным. Эти огни танцевали. Они двигались в такт медленному биению её собственного сердца, соблюдая ритм, который знала только её кровь. — Красиво, да? — голос Марины прозвучал совсем рядом, заставив Аниту вздрогнуть.

Рыжая подошла бесшумно, босиком, держа в руках две грубые глиняные кружки с травяным чаем. Пар пах мятой, смородиновым листом и чем-то терпким, аптечным. — Что это? — одними губами спросила Анита, боясь спугнуть ведение звуком. Рыжая проследила за её взглядом. Её лицо внезапно изменилось: озорство исчезло без следа, скулы заострились, а глаза стали старше на сотню лет. Перед Анитой стоял не подросток, а хранитель границ. — Это Сторожа. Говорят, в Купалу граница становится такой тонкой, что стекло между мирами превращается в плёнку. Можно увидеть тех, кто живёт за ним. Не бойся. Если ты им нужна, они сами приплывут. А пока просто пей чай. Полынь прочищает зрение.

Огни начали тускнеть, растворяясь в предрассветном тумане, который пополз от воды белой вязкой патокой. Народ расходился молча, обнимаясь на прощание уже не как соседи, а как заговорщики, пережившие нечто общее. Праздник закончился, оставив после себя послевкусие сладкого яда и странной, звенящей пустоты в грудной клетке.

Обратная дорога прошла в вакууме. Анита шла, механически переставляя ноги, чувствуя, как песок скрипит в кедах. Внутри неё щёлкнул невидимый переключатель. Городская девочка сделала шаг навстречу этому миру. Теперь этот мир знал её имя в лицо, почуял её запах и пометил территорию вокруг неё своими лазурными маяками.

Глава 4. Гадание на ромашке

Утро после Купалы принесло с собой густую, благоговейную тишину, какая бывает в храме перед чудом. Солнце едва пробивалось сквозь плотные облака, окрашивая кухню в бледно-жёлтые, болезненные тона сепии. Анита проснулась от того, что замёрзли кончики пальцев ног.

Сон был вязким и химически чистым кошмаром: бесконечный коридор библиотеки, запах старой бумаги, типографской краски и ржавчины. В конце коридора, на каменной стене, горел символ. Змея, обвивающая молодой месяц. Чешуя змеи казалась сделанной из чёрного вулканического стекла, а лунный серп пульсировал изнутри мёртвенным серебром. Во сне девушка знала страшную вещь: если коснуться рисунка пальцем, время пойдёт вспять, перематывая жизнь к самому зачатию, чтобы стереть её.

Спустившись вниз, она нашла Марфу. Бабушка сидела спиной к окну, перебирая сухие травы узловатыми пальцами. Движения были точными, автоматическими. Перед ней лежала единственная свежая ромашка, положенная прямо на клеёнчатую скатерть. Белые лепестки казались фарфоровыми, хрупкими до ужаса. — Садись, — Марфа взяла цветок сухими пальцами, даже не повернув головы. — Ночь открыла шлюзы. То, что спало в твоей крови семь поколений, проснулось и теперь будет ворочаться, требуя места для роста. Ему тесно в твоих джинсах и скептицизме. Она начала обрывать лепестки. Движения были резкими, хирургическими, лишёнными всякой романтики деревенского гадания. — Дорога твоя больше не прямая. Асфальт кончился. Каждый шаг отсюда будет отдаваться эхом в бездне. Первый лепесток упал на стол с сухим щелчком. — Метка найдёт тебя сама. Тот, кто ходит между явью и навью без паспорта. У него нет выбора, и тебе придётся принять его правила игры, иначе он переломает тебе хребет. Второй лепесток отделился от сердцевины. — Сама заварила — сама расхлебывай, — третий лепесток упал с глухим стуком. — Река забрала твою скуку, но дала взамен рентгеновское зрение. Ты видела сторожевые огни. Теперь их хозяева видят твои внутренности, деточка. И то, что у тебя внутри, им очень нравится. Бабушка отложила голый зелёный стебель. Взгляд её стал стеклянным, направленным куда-то внутрь собственного черепа, в архив памяти. — Символ, что приснился тебе. Змея и Луна. Дед твой берег эту тайну пуще глаза. Потому и спрятал книгу не от воров, а от дураков, которые могут нажать на курок, не зная, что ружьё заряжено картечью. Кровь застучала в висках Аниты так громко, что зазвенели стаканы в буфете. — Какую книгу? — Ту, что лежит под половицей в кладовой. Под той, что скрипит на третью доску от порога. Достань её. Только руками голыми не трогай, сначала перекрестись трижды, хоть я в это и не верю — лишняя осторожность спину не натрёт. Весь день прошёл в вязком мареве сенсорной перегрузки. Слова Марфы отравляли воздух тяжёлыми металлами. Анита пыталась помогать чистить картошку, но нож соскальзывал, оставляя тонкие, аккуратные порезы на пальцах, из которых сочилась такая же красная, как у всех, кровь. Мысли вращались вокруг одного: юноша с меткой. Символ во сне. Ощущение, что она стала прозрачной для чего-то огромного, древнего и голодного, что начало просыпаться внизу живота.

Ночью, когда дом погрузился в абсолютную, давящую тишину, она дождалась ровного, механического дыхания родителей за стеной. Нашарила в кармане халата коробок спичек. Кладовка встретила запахом уксуса, сушёных яблок и пыли. Старые доски пола прогибались под весом. Третья от порога доска скрипнула протяжно, жалуясь на боль в суставах. Под ней оказалась полость, затянутая паутиной. Бархатная тряпка истлела, рассыпавшись в рыжий прах при первом же прикосновении. Книга была там. Тяжёлая. Обтянутая кожей, холодной, как труп, пролежавший ночь на морозе. Медные уголки съела зелень окисления до состояния трухи. Замок ржавый, массивный, похожий на челюсть мертвеца. Аните пришлось повозиться, выковыривая грязь из замочной скважины, прежде чем нажать скрытую пружину сбоку. Щёлчок

прозвучал в тишине дома не как звук открываемого замка, а как выстрел стартового пистолета на марафоне в ад. Страницы шуршали, как высохшие крылья насекомых, готовые рассыпаться от одного неверного выдоха. Старославянская вязь резала глаза своей архаичной сложностью. И вот оно. Гравюра в самом центре разворота, занимающая весь лист. Чёрная змея, пожирающая серебряный месяц. Рисунок был объёмным, живым. Когда Анита провела подушечкой пальца по пергаменту, не касаясь изображения напрямую, кожа ощутила микровибрацию, лёгкий удар тока. Символ дышал. Он отзывался теплом на близость её ладони, узнавая кровь своего владельца быстрее, чем сетчатка глаза считывает QR-код.

Пульс в кончиках пальцев вошёл в резонанс с пульсацией рисунка. Комната качнулась, теряя вертикаль. Анита захлопнула книгу, едва успев бросить сверху щепоть крупной серой соли из солонки, словно запечатывая могилу. Теперь слова бабушки звучали не метафорой выжившей из ума старухи: «Сама заварила». Она родилась с этим кодом доступа, прошитым в ДНК. Лето в деревне оказалось не ссылкой для трудных подростков. Оно было вызовом, повесткой в трибунал Судьбы. Анита стояла посреди кладовки, прижимая книгу к груди, будто это был не тяжёлый том в истлевшей коже, а раскалённый камень, который нельзя выпустить, но и удержать невыносимо. Соль, рассыпанная поверх обложки, хрустела мелкими кристаллами, и каждый хруст отдавался в ушах, как треск ломающихся костей. Воздух стал густым, почти липким, и дышать получалось только короткими, рваными вдохами.

Она не сразу заметила, что на подушечке указательного пальца остался тонкий, едва заметный след — словно кто-то провёл по коже раскалённой иглой. Линия была ровной, будто вычерченной циркулем, и не кровоточила, но пульсировала, отзываясь на каждый удар сердца. Анита поднесла руку к тусклому свету одинокой лампочки под потолком. След напоминал миниатюрную копию змеино-го изгиба — тот самый символ, что она видела во сне. Только теперь он был не на стене далёкого коридора, а на её собственной коже. Реальный. Личный. Неотменяемый.

Снаружи прокатился глухой раскат грома. Дом вздрогнул, будто стряхивая с себя пыль веков, и в этом движении было что-то тревожное — словно стены перешёптывались, обсуждая её поступок. Анита отступила к двери, прижимая к себе книгу так крепко, что медные уголки, даже разъеденные временем, впивались в пальцы. Ей хотелось крикнуть, позвать маму, отца, хоть кого-нибудь, кто скажет, что это просто игра света, усталость, разыгравшееся воображение. Но она знала: если сейчас закричать, тишина ответит ей не голосом родных, а чем-то другим — тем, что уже начало шевелиться в глубине дома, в щелях между половицами, в отражениях старых зеркал.

Когда она добралась до своей комнаты, ноги дрожали так, что казалось, будто кости превратились в тонкие стеклянные стержни, готовые треснуть от любого резкого движения. Она положила книгу на стол, накрыла её старой льняной салфеткой, словно прятала от чьих-то невидимых глаз. Потом села на кровать, сжала в руке медный брелок, который дала Марфа. Металл был тёплым, привычным, настоящим. Он не пульсировал, не дышал, не пытался проникнуть под кожу. Он просто был. И этого было достаточно, чтобы не сойти с ума прямо сейчас. Но след на пальце не исчезал. Наоборот, с каждой минутой он становился чуть чётче, будто чернила медленно растекались под кожей, закрепляя свою власть. Анита провела по нему ногтем, пытаясь стереть, соскоблить, избавиться от этого чужого знака. Но линия не поддавалась. Она была не на поверхности — она была внутри, как шрам, который ещё не успел зажить.

За окном дождь хлестал по крышам, по стёклам, по земле, превращая двор в тёмное, зыбкое зеркало. Анита подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Зеркало на сарае по-прежнему висело там, мутное, тяжёлое, будто затянутое пеленой времени. В его глубине мелькали отблески молний, и на секунду ей показалось, что в отражении она видит не себя, а кого-то другого — тень с длинными косами, с глазами, полными древней усталости. Тень смотрела на неё и чуть наклоняла голову, словно оценивая, насколько она готова к тому, что

должно произойти. Анита резко отвернулась, закрыла глаза, пытаясь вытолкнуть из головы эти видения. Но они цеплялись за сознание, как колючки, оставляя после себя ощущение, что реальность здесь — это не твёрдый пол под ногами, а тонкая плёнка, натянутая над бездной. И каждый её шаг оставлял на этой плёнке след, который становился всё глубже. Утром дом казался другим. Не просто старым и тихим, а настороженным, будто он прислушивался к каждому её движению, к каждому вздоху. Марфа сидела на кухне, как и вчера, перебирая травы, но теперь в её движениях не было той механической точности. Она смотрела на Аниту, и в её взгляде читалось не осуждение и не любопытство, а что-то вроде понимания. — Вижу, ты нашла, — сказала она тихо, не поднимая глаз от пучка сухих стеблей. — И вижу, что оно отметило тебя. Анита хотела спросить, что это значит, но слова застряли в горле. Вместо этого она молча протянула руку, показывая след на пальце. Марфа медленно подняла голову, её тёмные глаза на секунду стали ещё темнее, будто в них отразилась сама ночь. — Так и есть, — прошептала она, проводя пальцем по воздуху над линией, не касаясь кожи. — Знак проснулся. Теперь он будет расти, пока не станет частью тебя. Или пока не поглотит. — Что мне делать? — голос Аниты прозвучал хрипло, почти чужим. Марфа вздохнула, и этот вздох был похож на шелест сухих листьев, падающих с ветвей старого дерева. — Делать? Ничего. Просто не беги. Бег только раззадоривает тех, кто идёт по следу. Ты должна встретить это лицом к лицу. Книга — не просто страницы. Это ключ и ловушка одновременно. Тот, кто её открывает, становится видимым для тех, кто давно ждёт. Анита вспомнила слова Марины у реки: «Если кровь помнит, ты увидишь больше других. Может, даже то, что лучше не видеть». Теперь эти слова звучали не как деревенские страшилки, а как инструкция по выживанию. — А если я закрою её и больше никогда не открою? — спросила она, цепляясь за последнюю надежду на нормальность. Марфа покачала головой, и в этом жесте не было ни злобы, ни раздражения — только глубокая, выстраданная печаль. — Слишком поздно. Знак уже проснулся. Ты уже видна. Теперь вопрос не в том, как спрятаться, а в том, как устоять. В этот момент дверь распахнулась, и на кухню влетела Марина. Её рыжие волосы были мокрыми от дождя, лицо покраснелось, а в глазах горел тот самый опасный огонёк, который появлялся у неё, когда она чувствовала, что происходит что-то важное. — Ты видела? — выдохнула она, хватая Аниту за руку и притягивая к окну. — На реке туман. Он идёт не с воды, а из леса. Как будто кто-то тянет его туда, где граница тоньше всего. Анита выглянула в окно. Над Сырьё действительно стелился густой, неестественно ровный туман. Он не клубился, не рассеивался, а двигался целенаправленно, будто живое существо, ползущее по земле. И в этом движении было что-то зловещее — будто туман искал что-то.

Глава 5. День рождения, которого не ожидали

Восемнадцать лет встретили ее запахом вокзальной гари, остывшего кофе и дешевого цветочного освежителя из машины отца. Родители приехали на рассвете, нарушив хрупкое равновесие Цирюево ревом мотора своей городской машины. Она блестела агрессивным лаком, казаясь инородным телом, опухолью на теле старой деревни. Елена вошла в дом первой. Каблуки ее дорогих туфель стучали по скрипучим половицам с сухим, надменным звуком шагов налогового инспектора. От нее пахло синтетическим миндалем, спешкой и дорогими духами, которые отчаянно пытались скрыть запах чужого страха. Олег следовал за ней тенью — практичный, собранный, со смартфоном в руке, проверяющий карту, словно искал путь к отступлению еще до того, как вошел. Для них возвращение дочери в лоно цивилизации было успешно закрытой сделкой, актом спасения заложника от похитителей-изуверов.

За столом царил натужный фарс. Огромные пироги с грибами, борщ цвета рубина, парное молоко в глиняном крынке. Мать щебетала о поступлении, об общежитии, о том, что «хватит уже этой экзотики». Анита молчала, гоня ложку в тарелке. Между ней и родителями выросла стена из пуленепробиваемого стекла. Она смотрела на мать и видела то, чего не замечал отец: липкий, животный ужас, который Елена тщательно маскировала под раздражение городской жительницы, уставшей от отсутствия горячей воды.

— Мам, — Анита подняла вилку, прерывая монолог отца о состоянии двигателя их машины. Голос прозвучал ровно, но внутри всё сжалось в тугую пружину. — Я тут видела кое-что на реке. После Купалы. Синие огни. Целая процессия на том берегу. Они двигались синхронно.

Вилка звякнула о фаянс. Звук был резким, как удар хлыста. Мать замерла. Ее идеальный макияж-маска дал трещину: губы побелели так, что помада стала казаться черной, а пальцы, сжимающие льняную салфетку, мелко затряслись, выдавая паническую атаку высокого уровня. Это была не брезгливость интеллигентки. Это был чистый, дистиллированный ужас человека, увидевшего призрак своей вины.

— Какие... какие огни, Анюта? Тебе нужно меньше сидеть в четырех стенах без кондиционера. Витаминов группы В не хватает. Мираж от жары. Давай лучше обсудим список вещей для общежития, там комендант строгий... Взгляд матери метнулся к Марфе. Короткий, молниеносный импульс мольбы, полный такого отчаяния, что у Аниты перехватило дыхание. Заткни ее. Скажи ей замолчать. Запри ей рот.

Марфа лишь тяжело вздохнула и принялась намазывать хлеб маслом. Движения были медленными, ритуальными. Она сделала вид, что ничего не заметила, продолжая жевать, но Анита увидела, как напряглись жевалки на скулах бабушки, а костяшки пальцев, держащих нож, побелели. Старая знахарка готовилась держать оборону посреди собственной кухни.

— Это не жара, мам, — продолжила Анита, чувствуя, как холодеет затылок. Ощущение абсолютной власти над ситуацией пьянило и пугало одновременно. — Это было реально. Как вы все здесь можете делать вид, что ничего не происходит? Вы же сами вчера говорили про границу!

— Потому что ничего не происходит! — Елена сорвалась на визг, резко вскакивая из-за стола. Деревянный стул с грохотом отъехал назад, врезавшись в печь. — Есть физика, есть законы термодинамики! Никаких синих огней, никаких ведьм! Хватит того, что я в детстве наслушалась этих бредней от твоей двоюродной тетки! У меня мигрень начинается! Собирай вещи. Мы уезжаем через час. Она вылетела из кухни, громко хлопнув дверью спальни. Глухой удар дерева о дерево прозвучал как точка в приговоре. Повисла звенящая пауза, наполненная только тиканьем ходиков. Этот звук напоминал работу часового механизма бомбы замедленного действия. Отец неловко кашлянул, пряча глаза.

— Мама перенервничала. Переезд, квартальный отчет... Ты же знаешь ее характер. Врач прописал ей покой, вот она и дергается. Но Анита смотрела не на него. Она смотрела на Марфу. И в глазах бабушки читала подтверждение своим самым страшным догадкам. Мать боялась не мистику. Мать знала, кто или что стоит за этими огнями. Этот страх имел имя, лицо и историю, которую от Аниты скрывали годами, запирая семейные скелеты в шкафах обеих квартир. Позже, ночью, когда родители забылись тяжелым сном переутомления, Анита услышала, как входная дверь скрипнула. Она выглянула в темный коридор. Марфа куталась в старую телогрейку, пропахшую нафталином и пылью, хотя в доме было душно.

— Куда ты? Полночь скоро, — шепотом спросила внучка.

— Баня сохнет плохо, пар лезет из-под пола, гниль разводится, — бросила бабушка через плечо, не поворачиваясь. Лицо ее было серым, осунувшимся. — Схожу проверю заслонку да веники поворошу. Спи. Ложь висела в воздухе густым облаком формалина. Баню топили утром. Заслонка не имела значения. Старая знахарка уходила туда, где накануне видели «юношу с меткой». Уходила закрывать пробоину в корпусе корабля собственным телом, потому что заплатка-внучка была еще слишком сырой, непрокаленной огнем. Анита осталась стоять в темноте гостиной, прислушиваясь к удаляющимся шаркающим шагам. Впервые в жизни восемнадцатилетие ощущалось не как начало свободы, получение паспорта взрослого человека или право голоса. Оно ощущалось как получение срока заключения в одиночной камере со стеклянными стенами, которые становились прозрачными только для хищников сна-ружи.

Анита стояла в темноте, и тишина дома давила на неё не как отсутствие звуков, а как присутствие чего-то огромного, замершего и наблюдающего. Часы на стене всё так же отсчитывали секунды — ровно, безжалостно, будто вели счёт её последним мгновениям в этом зыбком покое. Она посмотрела на свою руку: след на пальце, тот самый змеинный изгиб, теперь не просто пульсировал — он словно впитывал темноту, становясь глубже, чернее, будто чернила растекались по венам. Она не пошла за бабушкой. Не потому что боялась, а потому что знала: если Марфа хотела, чтобы она осталась, она бы сказала прямо. Вместо этого бабушка солгала про заслонку и веники — и эта ложь была громче любого крика. Она означала: «Не лезь. Держи оборону здесь. Будь щитом для тех, кто даже не подозревает, что им нужна защита».

Анита вернулась в свою комнату, тихо прикрыв дверь. Окно было приоткрыто, и в щель тянуло сыростью и запахом мокрого дерева — после вчерашнего дождя всё в Цирюево будто разбухло от влаги, стало тяжелее, плотнее. Зеркало на сарае виднелось смутным пятном в темноте. Сегодня в нём не было ни ряби, ни теней — только густая, непроницаемая муть, как будто стекло затянуло изнутри слоем инея. На столе под льняной салфеткой по-прежнему лежала книга. Анита не решалась к ней прикоснуться, но и не могла отвести от неё взгляд. Казалось, даже сквозь ткань она чувствует её холодное, тяжёлое присутствие, словно под салфеткой прятался не том в истлевшей коже, а нечто живое, ждущее своего часа.

В соседней комнате ровно, механически дышали родители. Для них этот дом был просто старым, неудобным, полным странных запахов и скрипучих половиц. Для них синие огни на реке были миражом, игрой света на воде, оптическим обманом. Они верили в термодинамику и квартальные отчёты, в списки вещей для общежития и в то, что всё можно объяснить, если подобрать правильные слова. И в этом их неверии была своя защита — толстая, надёжная броня, которая не давала тьме проникнуть внутрь. Но Анита уже не могла надеть эту броню. Она видела слишком много, чтобы притворяться, что ничего не происходит. Она села на край кровати, сжала в руке медный брелок. Металл был тёплым, привычным, настоящим. Он не пульсировал, не дышал, не пытался проникнуть под кожу. Он просто был. И этого было достаточно, чтобы не сойти с ума прямо сейчас.

Внезапно в тишине раздался тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл ногтем по стеклу. Анита замерла, прислушиваясь. Звук повторился, на этот раз чуть громче, и доносился

он не из дома, а снаружи, со двора. Она подошла к окну, осторожно выглянула. У калитки стояла Марина. Её рыжие волосы в лунном свете казались почти чёрными, а лицо было бледным, напряжённым. Она подняла руку и снова тихо царапнула по стеклу, давая понять, что видит Аниту. Потом жестом показала: «Выходи». Анита колебалась всего мгновение. Потом накинула ветровку, сунула в карман брелок и тихо, стараясь не скрипнуть половицей, вышла на крыльцо. — Ты видела, куда пошла Марфа? — прошептала Марина, едва Анита приблизилась. — Я ждала у забора. Видела, как она пошла к реке. Не к бане. Анита кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. — Я знаю, — так же шёпотом ответила она. — Но она велела мне остаться. Марина покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние. — Она всегда велит оставаться тем, кого хочет сберечь. Но сейчас сберечь можно только вместе. Пойдём.

Они шли по тёмной улице, стараясь держаться в тени заборов, чтобы не привлекать внимания. Воздух был густым, влажным, и каждый вдох отдавался в груди тяжестью, будто в лёгкие наливалась вода. Над рекой висел тот самый туман — не обычный, утренний, а плотный, неестественно ровный, будто его кто-то специально стелил по земле. Он двигался медленно, целенаправленно, обволакивая деревья, кусты, старые заборы, стирая границы между лесом и полем, между реальностью и чем-то иным.

Когда они подошли к берегу, вода казалась чёрной и неподвижной, как застывшая смола. Туман коснулся поверхности реки и растворился в ней, будто вода поглощала его, становясь ещё темнее. И вдруг из этой темноты раздался голос. Тихий, едва уловимый, он звучал не из какого-то определённого места, а отовсюду сразу, проникая под кожу, в кости, в самую суть. — Ты пришла, — прошептал голос, и в нём не было ни угрозы, ни злобы — только бесконечная усталость и ожидание. — Наконец-то. Я так долго ждал. Из тумана медленно выступила фигура. Высокий юноша в длинном плаще, лицо скрыто тенью, но глаза светятся тусклым серебристым светом. Он остановился на границе воды и берега, не переступая невидимой черты. Рядом с ним, чуть позади, стояла Марфа. Её лицо было спокойным, но в глазах читалась решимость человека, который готов заплатить любую цену, чтобы защитить то, что ему дорого. — Не подходи, — голос Марфы прозвучал твёрдо, без тени сомнения. — Ты знаешь правила. Границу не пересекают без согласия обеих сторон. Юноша чуть наклонил голову, и тень на его лице сдвинулась, приоткрыв на мгновение резкую линию скулы, будто высеченную из камня. — Правила меняются, когда граница истончается, — ответил он тихо, и слова его ложились на воздух, как холодные капли дождя. — А она истончается с каждым днём. Скоро не останется ни правил, ни границ. Только одна реальность — та, что будет после.

Анита почувствовала, как холод поднимается от ступней к затылку, сковывая мышцы, заставляя сердце биться так быстро, что перед глазами поплыли тёмные пятна. Она хотела закричать, убежать, спрятаться под одеяло и притвориться, что ничего этого нет. Но след на пальце пульсировал, напоминая, что притворяться бесполезно. Она уже в игре. И правила этой игры ей только предстояло узнать. — Чего ты хочешь? — голос Аниты прозвучал неожиданно громко в этой густой, пропитанной тайной тишине. Юноша посмотрел на неё, и в его серебристых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — будто он не ожидал, что она заговорит. — Того, что всегда хотели те, кто ходит между мирами, — ответил он. — Прохода. Возможности выйти из тени и стать частью света. Но для этого нужен ключ. И ключ — это ты. Анита покачала головой, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Я не ключ. Я просто девушка, которую родители привезли в деревню на лето. Я ничего не знаю. Ничего не умею. Юноша сделал шаг вперёд, но Марфа резко подняла руку, останавливая его. — Стой, — повторила она твёрдо. — Ты не получишь её. Не сегодня. Не так. Он замер, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то человеческое — усталость, боль, отчаяние. — Тогда скажи, что мне делать, — произнёс он тихо, почти шёпотом. — Я не хочу войны. Я не хочу разрушать. Но я не могу больше оставаться в тени. Марфа опустила руку, и её плечи чуть опустились, словно с них

свалилась тяжесть, которую она несла годами. — Есть другой путь, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Путь, который не разрушит границу, но позволит тебе быть услышанным. Но для этого нужно согласие обеих сторон. И нужно время. Юноша помолчал, будто взвешивая её слова. Потом медленно кивнул. — Время, — повторил он. — У меня его почти не осталось. Но я попробую. Он сделал шаг назад, растворяясь в тумане, и через мгновение от него не осталось ничего, кроме лёгкого серебристого отблеска, который растаял в темноте.

Туман начал рассеиваться, и над рекой снова повисла обычная ночная тишина — не пустая, а наполненная шёпотом ветра, плеском воды и далёким криком ночной птицы. Анита посмотрела на Марфу, на Марину, ища в их глазах подтверждение, что она не сошла с ума. Их лица были сосредоточенными, готовыми к чему-то неизбежному. — Что теперь? — спросила Анита, голос её дрожал, но в нём уже не было паники — только усталость и решимость. Марфа подошла к ней, положила тяжёлую, узловатую руку ей на плечо. — Теперь мы готовимся, — ответила она спокойно. — К тому, что неизбежно. И учимся быть сильнее, чем страх. Марина шагнула ближе, обняла Аниту за плечи, прижимая к себе, будто хотела передать ей своё тепло, свою смелость, свою веру в то, что они справятся. — Мы справимся, — прошептала она. — Вместе.

Анита закрыла глаза, вдыхая запах мокрой травы, дыма и рыжих волос Марины. И вдруг поняла: её восемнадцатый день рождения, который должен был стать днём начала новой, взрослой жизни, стал днём, когда она наконец-то перестала быть просто девочкой из города, приехавшей в деревню на каникулы. Она стала частью чего-то большего — частью этой земли, этой реки, этой древней, тяжёлой тайны, которую её семья хранила годами. И теперь эта тайна требовала от неё не страха, а мужества.

Они вернулись домой, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь тучи, окрашивая небо в бледно-розовые тона. Дом встретил их тишиной и запахом остывшего чая. Родители всё ещё спали, и эта тишина казалась хрупкой, как тонкий лёд, готовый треснуть от любого резкого движения.

Анита поднялась в свою комнату, села на кровать, сжимая в руке медный брелок. След на пальце всё ещё пульсировал, но теперь в этом пульсе не было угрозы — скорее, обещание, что она справится. Что бы ни ждало её впереди, она встретит это лицом к лицу. За окном рассвет медленно разгонял тьму, и деревня, ещё недавно казавшаяся ей чужим, враждебным местом, теперь выглядела почти родной. Здесь было страшно, здесь было тяжело, здесь приходилось смотреть в лицо своим самым глубоким страхам. Но именно здесь она наконец-то почувствовала себя живой.

Глава 6. Мост в полночь (Марфа)

Полночь ударила по ушам глухим боем часов, отсчитывающих время до Апокалипсиса. Я не спала. Ждала. Знала, что придут. Они всегда приходят, когда молодая кровь проливает свою суть в нашу землю, делая ее соленой и привлекательной для падальщиков.

Первый зов был осторожным. Шепот ветра в трубе, сквозняк, играющий старыми обоями. «Марфа... вдова плачет... дитя застряло между ребер...» Я сжала серебряный крестик в кулаке так, что металл впился в ладонь.

Правило первое, высеченное на подкорке моими предками: мертвые не знают имен живых соседей. Тем более таких, как я. Первый зов — наживка, заброшенная в темноту моего разума. Молчу. Считаю удары сердца. Раз. Два. Три. Второй зов пришел минут через десять. Уже ближе, со стороны реки. Вибрация прошла по стеклам окон. «Старая... помоги... пуповина обмоталась вокруг горла... глотает язык...»

Голос был моим. Голосом моей покойной сестры Анны, умершей от родов тридцать лет назад. Кровь от крови. Искусная подделка анатомического театра. Почти идеальная копия тембра, дрожания связок, всхлипов. Я почувствовала, как сердце совершает болезненный кувырок — старая рана всё ещё ныла фантомной болью. Но правило второе гласит: настоящий человек трижды усомнится, прежде чем звать на помощь сквозь рыдания. Второй раз — это крючок, загнанный под самую кость. Я вколола ногти в ладонь до мяса, сдерживая порыв схватить фонарь и бежать к воде. Молчу. Третий зов заставил меня встать. Он не просил. Он констатировал факт бытия. «Марфа!» Это был крик. Мужской. Хриплый, сорванный. Полный такой безнадежной ярости собственника, потерявшего вещь, что бревенчатые стены дрогнули. Голос моего мужа, сгоревшего заживо в лесу от удара молнии двадцать лет назад. Если бы я была моложе, глупее, если бы во мне было меньше свинца прожитых лет, я бы побежала сломя голову, босиком по крапиве. Но я знаю цену этой любви. Любовь мертвых к живым — это всегда голод каннибала. Им нужна наша сила, наше тепло, чтобы удержаться на плаву в ледяной реке забвения. Я вышла во двор. Туман выползал из-под земли белыми щупальцами, он пожирал ступени крыльца, скрывая реальность. Видимость — три шага вперед, остальное — молоко.

Охранный круг из четверговой соли, просыпанной у порога месяц назад, остался нетронутым. Ни одна песчинка не сдвинулась. Хорошо. Первая линия обороны держит. Я пошла к мосту. Каменные плиты влажно блестели в мертвенном свете луны, похожие на чешуйчатую спину гигантского зверя. На середине арки стоял силуэт. Высокий. Без лица. Просто пятно абсолютной, поглощающей свет тьмы, вырезанное из ночи грубыми ножницами. И сверток в руках. Маленький, копошащийся. Звук плача младенца резанул по нервам острой бритвой. Настоящий. Живой. Так кричат дети, когда им больно или страшно перед смертью. Они знали мое слабое место. Всю жизнь я принимала роды. Спасала тех, кого можно было спасти, и отпускала тех, кому нельзя.

— Кто держит ребенка? — мой голос не дрогнул. Сухой, как осенний лист, готовый рассыпаться в пыль. Силуэт качнулся. Плач перешел в визг, ультразвуковой, невыносимый для человеческого уха.

— Дай мне грудь, бабка. Сосцы твои пусты, но молоко горькое от желчи. Укротит огонь в животе сироты. Запах. Вот что выдало его окончательно, сняв последние сомнения. Сквозь туман, сквозь запах речной прохлады пробился сладковатый аромат тлена. Древнего распада. Так пахнут могилы, в которых нарушен покой, так пахнет земля после эксгумации.

— Ты назвался дважды, — сказала я, доставая из кармана телогрейки мешочек с крупной солью. Пальцы не дрожали.

— Третий раз не настал до конца. По закону границы — уходи. Ты нарушаешь протокол. Я сыпанула соль широким полукругом перед собой. Белые кристаллы вспыхнули в лунном свете серебром. Силуэт взвыл. Визг младенца оборвался на пронзительной ноте, сменившись звуком лопающегося стекла — так звучит разрываемая ткань реальности. Фигура дернулась вперед, пытаясь перешагнуть соль, но наткнулась на невидимую стену. Воздух зазвенел от напряжения. Тьма начала сворачиваться, втягиваться сама в себя, издавая звук спускаемого воздуха из огромного баллона.

— Мы еще возьмем свое, ведьма. Кровь твоя слаба водицей. Девчонка откроет двери шире, она жадная до чудес, — прошипело существо, растворяясь краями в тумане.

— Попробуйте, — процедила я, начиная читать молитву. Не ради спасения души — веры во мне осталось мало, один сухой остаток долга. Читала как программист вводит код отмены команды форматирования диска. Чтобы стереть эту мерзость из оперативной памяти мира хотя бы на сегодня. Петух запел внезапно, разрывая остатки морока истошным, жизнерадостным криком. Восток серел, наливаясь тяжелой кровью зари. Силуэт исчез. На камнях моста остались лишь капли влаги, похожие на ртуть, собирающуюся в шарики. Я вернулась в дом. Анита спала, разметавшись по подушке, сбросив одеяло. Рот приоткрыт, на тонкой шее часто бьется синяя жилка. Моя кровь. Последняя в роду, способная держать штурвал этого проклятого корабля, пока остальные прячутся в каютах. Я поправила на ней одеяло, укрывая плечи.

— Запомни этот урок, девочка, — прошептала я в темноту, зная, что она спит слишком чутко, слышит кожей. — Никогда не бери то, что протягивают из тумана. Даже если руки золотые, а глаза плачут настоящими слезами. Особенно если плачут. Слезы демонов — самая едкая кислота.

Анита проснулась от того, что в комнате было слишком тихо. Не та уютная тишина, когда дом дышит и шепчет старыми балками, а мёртвая, будто кто-то взял и выключил все звуки разом — даже тиканье часов замерло на полуслове. Она приподнялась на локте, шурясь от серого света, который сочился сквозь занавески, и вдруг поняла: запах. В воздухе витал тяжёлый, сухой аромат — соль, полынь и что-то ещё, горькое, как пепел.

Она села, обхватив колени, и только сейчас заметила, что одеяло аккуратно подоткнуто, а подушка чуть сдвинута — будто кто-то заботливо укрывал её, пока она спала. Марфа. Анита вспомнила обрывки сна: мост, туман, пронзительный плач ребёнка, голос, похожий на голос давно умершей сестры бабушки... Но это был не просто сон. Это было вторжение, попытка пролезть под кожу, найти слабинку. И Марфа стояла на страже.

Внизу слышались голоса. Негромкие, напряжённые. Анита спустилась по лестнице, стараясь не скрипеть ступенями, и остановилась в дверях кухни. Мама стояла у окна, сжимая в руках чашку так, будто пыталась выдавить из неё последние капли смысла. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные тени, а пальцы мелко подрагивали. Отец сидел за столом, уткнувшись в телефон, но Анита видела, как напряжены его плечи, как он вздрагивает от каждого шороха. Они чувствовали. Даже не зная ничего, они кожей ощущали, что воздух здесь стал гуще, что он больше не годится для дыхания городских людей. — Мы уезжаем, — сказала Елена, не оборачиваясь. Голос её звучал непривычно ровно, как у человека, который повторяет заученную фразу, чтобы не сорваться на крик. — Сегодня. Прямо сейчас. Машина уже прогрета.

Анита хотела возразить, сказать, что нельзя вот так срываться, что Марфа... что мост... что синие огни всё ещё где-то там, за туманом, ждут своего часа. Но слова застряли в горле. Потому что она вдруг поняла: родители не просто хотят уехать. Им нужно уехать, чтобы сохранить себя. Для них эта деревня была не домом, не тайной, не испытанием — она была угрозой, медленно сжимающимся кольцом, которое вот-вот сомкнётся. — Мам, — тихо позвала Анита, подходя ближе. — Ты не можешь просто сбежать. Не сейчас. Здесь что-то происходит. И если ты уедешь, ты оставишь меня одну разбираться с этим. Елена резко обернулась, и в её глазах

мелькнуло что-то похожее на отчаяние. — Ты не одна, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Ты с бабушкой. А мы... мы не можем здесь оставаться. Я не могу. И в этом «не могу» было столько боли, столько невысказанного страха, что у Аниты сжалось сердце. Она вдруг увидела мать не как строгую, раздражённую городскую женщину, а как маленькую девочку, которая когда-то бегала по этим же улицам, слышала те же шёпоты и научилась прятаться от них за высокими стенами рациональности. — Тогда я останусь, — сказала Анита твёрдо, сама удивляясь своей решимости. — Я не уеду. Не сейчас.

Олег поднял голову, в его взгляде читалась смесь облегчения и ужаса. Он хотел сказать что-то, но только молча кивнул, будто принимая её выбор, даже если не понимал его. Мать закрыла лицо руками, плечи её задрожали, но она не заплакала. Вместо этого она глубоко вздохнула, расправила плечи и снова стала той самой собранной, практичной женщиной, которая знает, как решать проблемы. — Хорошо, — произнесла она, глядя прямо на Аниту. — Но обещай мне одну вещь. Если станет слишком страшно... если ты почувствуешь, что не справляешься... ты позвонишь. Или напишешь. Или просто крикни. И мы вернёмся. Мы заберём тебя. Анита кивнула, хотя знала, что телефон здесь не ловит, а крик может услышать не тот, кто должен. Но она пообещала. Потому что это было важно для матери.

Когда машина уехала, подняв облако пыли, которое медленно осело на траву и цветы, дом будто выдохнул. Тишина стала другой — не мёртвой, а живой, наполненной ожиданием. Анита вышла во двор, остановилась у калитки, глядя на дорогу, которая теперь казалась просто узкой лентой, уходящей в никуда.

Рядом бесшумно появилась Марина. Её рыжие волосы были собраны в небрежный хвост, а в глазах читалась та самая решимость, которая появлялась у неё, когда она знала, что впереди будет непросто. — Слышала, — сказала она, кивнув на удаляющуюся пыль. — Они уехали. Анита молча кивнула. — И ты осталась, — продолжила Марина, не спрашивая, а констатируя факт. — Потому что знаешь: если уедешь сейчас, эта штука пойдёт за тобой. Она не отпустит. Анита посмотрела на подругу, и в этот момент поняла, насколько ей повезло, что рядом есть кто-то, кто не будет уговаривать её «просто забыть», кто примет её страх и встанет рядом, даже если сам боится. — Да, — тихо ответила она. — Я осталась. Марина протянула руку, и Анита вложила в неё свою. Их пальцы переплелись, и это простое движение вдруг стало чем-то большим — обещанием, клятвой, щитом. — Тогда идём, — сказала Марина, кивнув в сторону реки. — Марфа уже там. Я видела её тень у моста.

Они шли молча, слушая, как шуршит трава под ногами, как кричат птицы, как ветер шепчет что-то на непонятном языке. Когда они подошли к мосту, Марфа стояла на середине арки, глядя вниз, на тёмную воду, которая текла медленно, будто несла на себе груз веков. — Пришла, — не оборачиваясь, произнесла бабушка. Голос её был спокойным, но в нём слышалась усталость, тяжёлая, как мокрый плащ. Анита остановилась рядом, глядя на воду, на отражение неба, на тонкую полоску света, которая пробивалась сквозь тучи. — Прости, что не послушалась, — тихо сказала она. — Что пошла за тобой ночью. Марфа наконец повернулась. В её глазах не было упрёка — только глубокая, выстраданная печаль. — Не извиняйся, — ответила она, кладя руку на плечо внучки. — Страх делает нас осторожными, но любовь делает нас смелыми. Ты пошла, потому что боялась за меня. Это не глупость. Это сила.

Анита почувствовала, как к горлу подступает комок. Она хотела сказать что-то важное, что-то, что объяснило бы всё: и её страх, и её решимость, и то, почему она не могла уехать. Но слова не находились. Вместо этого она просто прижалась к бабушке, вдыхая знакомый запах полыни, соли и старой ткани. — Теперь слушай, — сказала Марфа, отстраняясь, но не убирая руки. — То, что пришло ночью, не уйдёт просто так. Оно вернётся. И в следующий раз будет хитрее, злее. Оно будет стучаться не в дверь, а в сердце. Будет обещать то, чего ты больше всего хочешь. Будет говорить голосами тех, кого ты любишь. И самое страшное — оно будет говорить правду. Но правду, вывернутую наизнанку, как перчатку. Анита снова сжала в кармане медный

брелок. — Что мне делать? — спросила она, глядя бабушке прямо в глаза. Марфа вздохнула, и этот вздох был похож на шелест сухих листьев, падающих с ветвей старого дерева. — Быть собой, — ответила она просто. — Помнить, кто ты. Помнить, что твоя кровь — это не только страх, но и сила. И когда оно снова придёт, ты скажешь: «Я знаю тебя. Я вижу тебя. И я не отдам то, что мне дорого».

Марина подошла ближе, встала рядом, плечом к плечу с Анитой. — А мы будем рядом, — сказала она твёрдо. — Мы не дадим ему забрать тебя.

Анита посмотрела на них обеих — на бабушку с её мудрыми мыслями, и на Марину, с её дерзкой смелостью, которая казалась единственным светом в этой надвигающейся тьме. И понимала, что все-таки она и правда не одна. И, возможно, именно это было самым важным.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Туман над рекой таял, превращаясь в лёгкую дымку, которая растворялась в воздухе, оставляя после себя только запах влажной земли и свежести. Но Анита знала: это затишье было временным. Граница истончалась, и то, что ждало по ту сторону, готовилось сделать свой ход. И когда этот момент наступит, она будет готова. Не потому что не боялась, а потому что знала: рядом есть те, кто поможет ей устоять.

Глава 7. Ветхий домик у дороги

Лес забирал звук, пожирая его своей густой, влажной пастью. Шум двигателя «Тойоты», еще полчаса назад казавшийся спасительным гулом цивилизации, здесь превратился в жалкий скулеж раненого зверя, бьющегося в капкане. Листва смыкалась над грунтовой так плотно, что превращала яркий октябрьский полдень в вечные зеленоватые сумерки, где тени имели плотность киселя. Отец чертыхался над открытым капотом — сизый дым вонял плавящимся пластиком и озоном короткого замыкания. Мать сидела внутри, прямая как натянутая струна, обхватив себя руками крест-накрест; ее идеальный бежевый тренч выглядел нелепым флагом капитуляции посреди этого первобытного мрака. Анита вышла из машины не потому, что хотела помочь с двигателем. Ее вытолкнуло наружу нечто древнее, живущее под корой деревьев — тот самый низкочастотный гул, который она впервые ощутила на мосту в Цирюево. Воздух был стерильным, лишенным городских миазмов, но он давил на барабанные перепонки низким резонансом, от которого ныли зубы. Лес наблюдал. Каждое дерево было глазом бельмастой ведьмы, каждая тень — расширенным зрачком хищника перед прыжком. Она пошла по едва заметной тропинке, змеящейся между корней-трупов, выпирающих из земли, словно ребра погребенного гиганта. Под ногами пружинил ковер из прелой хвои и мха, поглощающий звуки шагов, делающий ее движение абсолютно бесшумным. Она шла минут десять, прежде чем деревья расступились резко, будто их раздвинула невидимая рука хирурга, вскрывая грудную клетку пейзажа. Дом возник посреди поляны внезапно, как фурункул на чистой коже или забытый склеп на месте детской площадки. Это была даже не избышка лесника — скорее заброшенный алтарь давно забытого кровавого культа. Сруб почернел от времени до цвета запекшейся крови, провалившаяся крыша ощерилась ребрами стропил, а окна были забиты грубыми горбылями крест-накрест, словно хозяева пытались удержать кого-то внутри, а не защитить себя снаружи. Но сад вокруг него жил своей собственной, пугающей жизнью. Это был оазис нездоровой, гипертрофированной зелени посреди увядающего октября. Цветы размером с голову ребенка пульсировали оттенками синего — от бледной лазури утопленника до глубокого индиго бездны. Они светились собственным холодным светом, впитывая остатки дневного сияния и перерабатывая его во что-то чужеродное. Запах ударил в нос: смесь озона после удара молнии, сладкого гниения перезрелых фруктов и того самого тонкого аромата абсолютной пустоты, древнего камня и грозового фронта. Дверь скрипнула без участия ветра. На пороге стоял он, неизвестный парень. Это была статуя, высеченная из гранита отчаяния. Его плечи были широкими, заполнив собой весь дверной проем, рубаха потемнела от влаги, прилипнув к мышцам груди, а ворона на левом плече перестала быть птицей — она превратилась в часть его силуэта, в горгулью, выклевавшую ему кусок ключицы ради симметрии. Лазурные глаза не смотрели насмешливо или оценивающе. В них плескалась тяжелая, мутная вода бесконечной усталости существа, уставшего сторожить ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.